

Чикарькова М. Ю.,
 доктор філософських наук,
 професор кафедри соціально-гуманітарних наук,
 економічної теорії і права
 Черновицького торгово-економічного університету

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ «ЖИЗНЬ-СМЕРТЬ» «БЫТИЕ-НЕБЫТИЕ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ ФЕДОРА СОЛОГУБА

Аннотация. В статье анализируется функционирование онтологических категорий «жизнь-смерть» / «бытие-небытие» в лирике Ф. Сологуба. Хотя уже обращалось внимание на влияние Кьеркегора, Шопенгауэра и Ницше, на значительный удельный вес в поэзии Сологуба мотивов смерти и сна, невозможно уяснить их подлинное звучание без введения указанной системы бинарных оппозиций.

Ключевые слова: поэзия Ф. Сологуба, жизнь, смерть, бытие, небытие, сон, гностицизм.

Постановка вопроса. Творчество Ф. Сологуба представляет богатый материал для философского осмысления – как тут не вспомнить речение Аристотеля «Поэзия философичнее, и серьезнее истории...» [2, с. 655]. И вообще, символизм, особенно русский, насыщен философичностью: как писал В. Асмус, он был одновременно и художественно-поэтическим течением, и течением философским, и особым направлением эстетики, – даже с выходом в политическую проекцию [3]. Феномен русского символизма сигнифицирует максимальный духовный взлет Серебряного века в преддверии трагического крушения основ русской культурной традиции после 1917 года. Нам, наблюдающим итоги этого катаклизма, важно понять, почему судьба феномена, репрезентирующего высший взлет диалога модернистов с классической традицией, «жертвенна и трагична» [5, с. 533]. Сологуб же является представителем «старших символистов» (Мережковский, Гиппиус, Брюсов и др.), с которыми связывается представление о «декадентах». Ему, как и прочим декадентам, приписывали «отчаянные признания беспомощности перед жизнью, страх перед ущербностью собственного сознания» [14, с. 482]. Но очевидно, что в «декадентство» он вовсе не укладывается. И нельзя сказать, что материал этот исследован достаточно полно, хотя проблема «Сологуб и философия» спорадически привлекает исследователей, сразу оговоримся, что в основном анализируется проза, а не лирика.

Цель нашей статьи является в анализе философского дискурса сологубовского поэтического творчества в разрезе основополагающих онтологических категорий (жизнь/смерть, бытие/небытие). Конечно, это само по себе непросто: переводить на язык логики образный строй поэтической речи – задача достаточно рискованная. Тем не менее, интеллектуальная насыщенность сологубовского текста, его явственные мировоззренческие ориентации дают основания для такого экскурса.

Анализ последних исследований и публикаций. Назовем несколько работ, которые анализируют влияние на Сологуба-прозаика различных философов: Кьеркегора [9], Шопенгауэра [7], Ницше [20]. Уже сам подбор этих имен дает определенный ключ к мироощущению Ф. Сологуба. Кьеркегор в своем стремлении разъяснить суть христианства выделял в развитии человека три стадии: эстетическую, этическую и религиозную; всякому, сколько-нибудь знакомому с прозой Сологуба, очевидно, что именно этот путь писатель и прошел. Шопенгауэр, один из отцов новейшего европейского пессимизма, внес в картину мира квиетистские ноты, взятые из буддийской философии, отрицающей Благого Творца. Ницше, провозгласивший «Бог умер!» и проповедующий культ грядущего сверхчеловека, повлиял на Сологуба еще более, чем первые два философа.

Тем не менее, конкретное бытование в поэзии Сологуба хотя бы самых основных философских категорий никем, по сути, не исследовалось. В рамках небольшой статьи невозможно проанализировать все онтологические категории, весомо проявляющие себя в его стихотворениях. Мы сосредоточимся на важнейших из них – «жизнь-смерть» / «бытие-небытие», которые являют собой бинарные оппозиционные пары, выпукло отражающие ход авторского дискурсивного мышления, и по частотности использования являющиеся, наверное, употребительными в творчестве этого поэта. Конечно, в рамках статьи сложно претендовать на исчерпывающую характеристику, но можно наметить основные линии, требующие незамедлительного анализа.

Отметим, что наиболее исследованным моментом здесь ожидаемой оказалась категория *смерти*: очевидно, что мотив смерти – один из центральных в поэзии Ф. Сологуба [1, с. 8; 11], он часто соседствует со смежным мотивом *сна* [13], Л. Евдокимова пытается найти его корни в мифах и фольклоре [10]. Однако нам представляется, что невозможно адекватно рассмотреть мотив смерти в творчестве поэта без амбивалентной пары – *жизни*, равно как и очертить специфику бытия в художественном мире поэта можно лишь путем сопоставления с *небытием*. Спорадически эти мотивы рассматривались в некоторых научных исследованиях, однако это делалось либо на основе прозы Ф. Сологуба (причем его творчество выступало лишь одним из фрагментов художественной мозаики Серебряного века) [19], либо это было, по сути, упоминанием в рамках иной тематики [4].

Изложение основного материала. Жизнь у поэта может представать как сон: «Измученный порывами /

Я словно вижу сон» [17, с. 13], «Жизнь моя, всемирному томленью // Ты подобна, легкая, как сон» [17, с. 125]. Концепция, конечно, не новая – со времен П. Кальдерона и распространения барокко восприятие жизни как сна стало практически commonplace в художественной культуре. Однако любопытно, что смерть воспринимается автором тоже как сон: «После жизни недужной и тщетной <...> Мы забудемся сном без видений, / Мы потонем во тьме безответной» [17, с. 24]. И тут опять-таки в самом восприятии смерти как сна нет ничего нового. Однако необычным представляется тот момент, что Ф. Сологуб использует одинаковую символику для обозначения и жизни, и смерти – все это обнимается у него словом «сон». Н. Кузьмичева, глубоко изучающая мотив сна у Ф. Сологуба, совершенно резонно замечает, – наиболее характерно для поэта уподобление его жизни, смерти, «бессознательному» существованию человека [12, с. 6]. Впрочем, «взаимозаменяемость» жизни и смерти в художественной системе Ф. Сологуба провозглашается самим автором достаточно четко: «Всё равно – умереть или жить» [17, с. 202]. В ином произведении жизнь называется сестрой смерти, причем «ничтожной», «робкой, лживой» [17, с. 45]. Да и другие стихотворения характеризуют жизнь в подобном же ключе – она «безжалостно-скупая» [17, с. 192], скучная – «Влачит жизнь по скучным колеям» [17, с. 206], грубая – «<...> разбуженный от грез // Прикосновеньем грубой жизни» [17, с. 89], жесткая – «Все дары жизнь разбила, как стекло» [17, с. 209]. И потому «Больному сердцу любо / Строй жизни почитать» [17, с. 88]. Жизнь бессмысленна и абсурдна: «Вся жизнь, весь мир – игра без цели. // Не надо жить» [17, с. 217]. В известном эпатажном стихотворении Ф. Сологуба «Когда я в бурном море плывал» о союзе с дьяволом дается весьма интересная интерпретация подобного неприятия жизни и мира – как платы за спасение дьяволом жизни:

Тебя, отец мой, я прославлю
В укор неправедному дню,
Хулу над миром я восславлю,
И, соблазняя, соблазную.

[17, с. 220].

Д. Философов еще в начале прошлого XX-го века отмечал, что Ф. Сологуб пишет о трагедии богооставленности, о позабытом Богом человеке, восстающем на Божество, который богоборчески уходит к дьяволу; впрочем, это спасение на погибель, ибо дает силы лишь замкнуться в гордом одиночестве, но не смотреть на мир и людей с открытым лицом [18].

С. Валюлис, анализируя данное произведение, отмечает, что, с одной стороны, Ф. Сологуб принимает гностико-каббалистическую аксиому «Дьявол есть перевернутый Бог», с другой – он создает вариант «негативной теологии», где дьявол – не антипод Бога, творящего добро, но наделен Его чертами. Поэт применяет закон «тождества совершенных противоположностей» [6, с. 29]. Не забудем и о том, что гностическая доктрина была весьма популярна в художественной среде Серебряного века [16].

Весьма неоднозначна трактовка жизни в стихотворении «В тихий вечер на распутиях двух дорог» – колдунья дает лирическому герою талисман, что несет с собой дар вечной жизни, но жизнь эта кажется скорее проклятием, нежели благом:

Этот камень все на шее ты носи
И другого талисмана не проси.
Не для счастья, иль удачи, иль венца, –
Только жить, всё жить ты будешь без конца.
Станет скучно – ты веревку оборвешь,
Бросишь камень, станешь волен, и умрешь.

[17, с. 214].

В отличие от жизни, вызывающей у Ф. Сологуба неприятие и тоску, *смерть* предстает и вездесущей, и желанной: «О смерть! Я твой. Повсюду вижу / Одну тебя, – и ненавижу / Очарования земли» [17, с. 45]. Ю. Айхенвальд называл поэзию Ф. Сологуба «стихами смерти», добавляя, впрочем, что его лирика интересна именно этой попыткой «синтезировать живое и мертвое» [1, с. 74]. Многократно подчеркивается поэтом готовность променять жизнь на смерть: «Чуждый суетных желаний, // Умереть давно готов» [17, с. 60]. Тем более, что смерть может быть очищающей силой, уничтожающей зло, она уносит жизнь, но вместе с ней – и зло: «И я понял, что зло под дыханьем твоим / Вместе с жизнью людей исчезает, как дым» [17, с. 112]. Н. Пустыгина отмечает, что в представлении Ф. Сологуба возможны два пути к обретению свободы: 1) полное одиночество; 2) создание нового мира, «по своему велению, т.е. творчество» [15, с. 113]. Мы же добавим, что, на наш взгляд, для Ф. Сологуба существовал и третий путь – путь обретения свободы через смерть. И, к слову, именно этот путь станут позже предлагать экзистенциалисты, во многом черпавшие из древнего богоборческого гностицизма. Смерть несет с собой свободу, освобождение от земного бремени, от «зла материального тела» [детальнее об архетипе жизнеотрицания у Ф. Сологуба см.: 16, с. 146-173]:

Подруга-смерть, не замедляй,
Разрушь порочную природу,
И мне опять мою свободу
Для созидания отдай

[17, с. 224].

Рассмотрим теперь, какими же предстают в его стихотворениях *бытие/небытие*, ибо жизнь и смерть – это лишь их составные. Сразу же бросается в глаза, что не только жизнь, но и бытие в целом не вызывает у поэта сколь-либо оптимистических чувств – достаточно обратиться внимание на эпитеты и метафоры, коими он награждает его. В лучшем случае оно неопределенно-туманно: «туманный воздух бытия» [17, с. 33]; однако чаще предстает откровенно лживым и жестоким: «Многоцветная ложь бытия, / Я отравлен дыханьем твоим» [17, с. 61], «По жестокому путям бытия» [17, с. 27]. Подчас поэту кажется, что для человека в этом континууме предназначено лишь примитивное витальное существование:

Где моя гордость, где сила моя?
К низшим склоняюсь кругам бытия.
Силе таинственной дух мой предав,
Жизнью, подобной томленью трав,

Тихо живу, и неведомо мне,
Что созревает в моей глубине

[17, с. 111].

Бытие в целом столь же бессмысленно, как и отдельная жизнь, оно связано лишь с потерями: «О мысль моя, ты побывала / На всех просторах бытия <...> И чем меня ты

обольстила? / К чему меня ты увлекла? / Ты ничего мне не открыла / И много, много отняла» [17, с. 127] и неизбежно соседствует с тоской: «Я забыть не могу // Бесконечной тоски бытия» [17, с. 108]. Оно столь же кратко, как и жизнь, и единственное, что остается человеку – наслаждаться этим кратким миготом: «Краток праздник бытия. / Жизнь твоя и не твоя, – / Наслаждайся» [17, с. 133]. Но бездумный эпикуреизм «декадента» вовсе не присущ лирике Ф. Сологуба, и бытие вызывает у поэта непреодолимое томление и желание поскорее освободиться от самого существования:

На прахе охладелом
Былого бытия
Природою и телом
Томлюсь безумно я.

[17, с. 88].

Это отягощенность материальным телом, неприятие всего материального, вновь отсылают нас к гностицизму, вновь ставшему популярным на рубеже XIX–XX веков. Потому неудивительно ни то, что лирика Ф. Сологуба насыщена столь характерным для этой псевдохристианской картины мира противопоставлением и, одновременно, – неразделенности добра и зла. Неудивительно также, что тайной бытия, по Ф. Сологубу, владеет не кто иной, как языческая ведунья:

... Снова
Вещаю тайну бытия.
И нет и не было Иного, –
Но я – Твоя.

Сгорали демоны и боги.
Но я с Тобой всегда была
Там, где встречались две дороги
Добра и Зла

[17, с. 242].

Над вселенной, оставленной Благим Создателем, протирает крылья завладевающий беспомощным Творением дьявол, именуемый, как и в Библии, «древним змием», сеющим зло и насилие:

Змий, царящий над вселенною,
Весь в огне, безумно злой.

[17, с. 204].

Безумием окована земля,
Тиранством золотого Змея.

[17, с. 206].

«Золотой Змей» – это модификация Желтого Дракона; именно так поименовал в другом произведении писатель Солнце, источник жизни, воспетый поэтами в веках. Оставленное Богом Творение перерождается в злобного, палящего демона, впадает в иступленный бунт против замысла своего Создателя. Иными словами, Бог-Творец присутствует в мире Сологуба имплицитно; лишь его отсутствие заставляет ощутить, как он все же необходим.

Впрочем, можно ли утверждать, что бытие никогда не предстает поэту в радужной оболочке счастья и полноты? Нет, в художественной оптике Ф. Сологуба мы можем увидеть его и таким, но лишь когда речь идет не о нашей Земле. Где-то там, далеко, на фантастической Земле Ойле, которая является плодом фантазии поэта, бытие предстает блаженным: «На Ойле далекой и прекрасной<...> Славит все блаженство бытия» [17, с. 142].

Но было бы, конечно, неоправданным упрощением говорить о том, что во всех без исключения стихотворениях Сологуба превалирует идея трагичности и бессмысленности земного бытия. При желании можно найти и иные примеры:

Но что за гранью жизни краткой
Меня ни встретит, – жизнь моя
Горит одной молитвой сладкой,
Одним дыханьем бытия.

[17, с. 158].

Гностическое презрение к Божьему Творению – материи – уступает подчас место малым и естественным радостям бытия: «Я один в стране пустынной, / Но улады есть в пути<...> И поет мне ветер вольный / Речью буйной, безглагольной / Про блаженство бытия» [17, с. 87]. Прослеживается тенденция: приятие бытия и жизни обнаруживаются в тех стихотворениях, в которых развиваются уже христианские мотивы. «Ничего не отвергну в создании, – И во всем есть восторг и веселье <...> и с Отцом бытие мое слито» [17, с. 86]. Однако, как известно, Ф. Сологуб вовсе не был истовым христианином, а потому и подобные умиротворяющие интонации у него весьма нечасты. Подобные примеры не столь многочисленны, как предыдущие и не являются определяющей тенденцией в творчестве поэта.

Интересно также и то, что в некоторых стихотворениях весьма явственно прослеживается влияние философской доктрины солипсизма. Солипсизм весьма категоричен в своем неприятии т. н. реальности. Мир существует лишь в нашем сознании и лишь до тех пор, пока мы его воспринимаем, – это один из ключевых моментов философии Ф. Беркли. Приведем лишь один репрезентативный пример: «Я глаза затворил, / Я весь мир погасил» [17, с. 82]. В других стихотворениях влияние солипсизма выражено не столь явно, но все же довольно прозрачно читается между строк:

Потому что нет иного
Бытия, как только я;
Радость счастья голубого
И печаль томленья злого,
Все, во всем душа моя.

[17, с. 85].

Эти строки представляют интерес не только скрытой отсылкой к философии солипсизма, но и любопытным переосмыслением в солипсическом ключе пантеистического тезиса: в природе разлита душа – но не Бога, а человека. Ведь антропоцентризм – одно из ключевых философских понятий Серебряного века, этого высшего взлета сознания эпохи Модерна.

Итак, в обезбоженном, обездушенном мире Сологуба как бы погас источник подлинного света, и материальный Золотой Змей Солнца не способен рассеять тяжкий и неизбывный «мрак безумия земного» [17, с. 156].

Выводы. Подводя итог рассмотрению функции ключевых онтологических категорий в поэзии Ф. Сологуба, можно сделать определенные выводы о характере его концепции действительности. Мир здесь, как и у неоромантиков, – картина откровенно субъективная; Сологуб отрицает благость Творения, повторяя основные постулаты буддийско-гностиической доктрины, отрицающей Благое Создателя. Материальный мир без христианского

Бога превращается в иудоль скорби и непрестанное томление души под абсолютной властью Зла. Попытки трактовать такой мир как субъективно солиптическую грезу лишь усугубляют трагическое впечатление беспомощности «богоставленного человека». И лишь робкие проблемы доверия к бытию говорят о редуцированной до последнего предела надежде на преодоление власти смерти и небытия, на почти иссякшую в душе поэта «радость счастья голубого».

Литература:

1. Айхенвальд Ю. Федор Сологуб // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей: В 2 т. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 1998. – Т. 2. – С. 74–82.
2. Аристотель. Сочинения: В 4-х т. – Т.4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А. И. Доватура / Аристотель. – М.: Мысль, 1984. – 830 с.
3. Асмус В. Ф. Философия и эстетика русского символизма / В. Ф. Асмус. – М.: Либроком, 2013. – 88 с.
4. Белобородова И. В. Онтологическая проблема двоемирия в творчестве Ф. Сологуба / И. В. Белобородова // Проблемы изучения и преподавания русской и зарубежной литературы. – Таганрог, 2005. – Вып. 6. – С. 65–80.
5. Бердяев Н. А. Философия свободы; Смысл творчества / Н. А. Бердяев. – М.: Правда, 1989. – 607 с.
6. Валюлис С. Онтологическое пространство в лирике Федора Сологуба / С. Валюлис // Грани культуры Серебряного века. – Вильнюс, 2014. – С. 26–38.
7. Данилевский Р. Ю. Немецкая диссертация о Ф. Сологубе и А. Шопенгауэре / Р. Ю. Данилевский // Рус. лит. СПб., 1998. – № 4. – С. 21–22.
8. Дмитриев Н. П. Апология смерти в творчестве Ф. Сологуба / Н. П. Дмитриев // Университетские чтения–2012. – Пятигорск, 2012. – Ч. 9. – С. 109–113.
9. Долженко А. Н. Влияние экзистенциальных идей С. Кьеркегора на русский декаданс: (На примере романа Федора Сологуба «Тяжелые сны») / А. Н. Долженко // II Межвузовская научно-практическая конференция студентов и молодых ученых Волгоградской области, 27 нояб. – 1 дек. 1995 г. – Волгоград, 1995. – Вып. 1. – С. 20–23.
10. Евдокимова Л. В. О фольклорно-мифологических истоках мотива смерти в произведениях Ф. Сологуба / Л. В. Евдокимова // Филологический поиск. – Волгоград, 1993. – Вып. 1. – С. 110–120.
11. Канунникова И. А. Путь в Дамаск: (Ф. Сологуб и А. Введенский: мотив смерти как доминанта художественного мира) / И. А. Канунникова // Проблемы современного филологического образования. – М.: Ярославль, 2002. – Вып. 2. – С. 128–135.
12. Кузьмичева Н. В. Мотив сна в поэзии русских символистов: (На материале поэзии Ф. Сологуба) / Н. В. Кузьмичева: Дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. н.: 10.01.01 – Русская литература / Ярослав. пед. гос. ун-т им. К. Д. Ушинского. – Ярославль, 2005. – 176 с.
13. Кузьмичева Н. В. Смерть как сон в поэзии Ф. Сологуба / Н. В. Кузьмичева // Resphilologica. – Архангельск, 2007. – Вып. 5. – С. 219–224.
14. Литвин Э. С. Валерий Брюсов / Э. С. Литвин // История русской литературы: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин Дом). – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1980–1983. – С. 480–520.
15. Пустыгина Н. Г. Философско-эстетические взгляды Ф. Сологуба 1906–1909 и концепция театра «единой воли» (Статья первая) / Н. Г. Пустыгина // Типология литературных взаимодействий. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. – Тарту, 1983. – № 620. – С. 109–122.
16. Слободнюк С. Л. Архетипы гностицизма в философии русского литературного модернизма / С. Л. Слободнюк: Дис. на соиск. уч. степ. д-ра философ. н.: 09.00.03 – История философии. – Магнитогорск, 1998. – 337 с.
17. Сологуб Ф. Избранное / Ф. Сологуб. – СПб.: ТОО «Диамант», 1997. – 448 с.
18. Философов Д. Федор Сологуб. Собрание стихов Книга III и IV. 1897–1903. Москва, 1904. Книгоиздательство «Скорпион» / Д. Философов // Новый путь. – 1904. – Февраль. – С. 210–215.
19. Шаталова О. В. Стилистические особенности субстантивов БЫТИЕ и НЕБЫТИЕ в художественном тексте / О. В. Шаталова // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: грамматика и текст. – М., 2005. – С. 126–129.
20. Heftrich U. Dionysos in der Provinz: Nietzsche, Shakespeare, Euripides in Sologub's «Kleinem Damon» / U. Heftrich // Vladimir Solov'ev und Friedrich Nietzsche. – Frankfurt am Main, 2003. – S. 95–111.

Чикарькова М. Ю. Онтологічні категорії «життя-смерть» / «буття-небуття» в художньому світі Федора Сологуба

Анотація. У статті аналізується функціонування онтологічних категорій «життя-смерть» / «буття-небуття» у дискурсі лірики Ф. Сологуба. Хоча вже зверталася увага на вплив К'єркегора, Шопенгауера та Ніцше, на значну питому вагу у поезії Сологуба мотивів смерті та сну, неможливо з'ясувати їхнє справжнє звучання без введення вказаної системи бінарних опозицій.

Ключові слова: поезія Ф. Сологуба, життя, смерть, буття, небуття, сон, гностицизм.

Chikarkova M. Ontological categories «life–death» / «being–non-existence» in the Fedor Sologub's art world

Summary. The article analyses the functioning of the major ontological categories «life – death» / «being – non-existence» in the discourse of F. Sologub's poetry, one of the most prominent representatives of Russian Symbolism. Although it has drawn attention to the influence on Sologub by Kierkegaard, Schopenhauer and Nietzsche, a significant proportion of his poetry motifs of death and sleep, we cannot understand their true sense without the introduction of a system of these binary oppositions.

Key words: F. Sologub's poetry, life, death, being.